

Он не стал продолжать разговор, а вместо этого внезапно задал странный вопрос:

— В каких ситуациях ты гладишь других по лицу, да еще и при этом улыбаешься так... слащаво?

— А? — Чу Ян на мгновение опешил и растерянно пробормотал: — Наверное, когда она мне нравится... К девушкам, которые мне симпатичны, я всегда не могу удержаться и хочу их обнять.

Он был уверен, что ответил достойно, но вдруг заметил, как помрачнело лицо Сюй Шанлу.

Тот с силой сжал зубами сигарету, словно перемалывал чье-то горло.

— Черт, — злобно процедил он сквозь зубы.

— С-староста? — Чу Ян вздрогнул, решив, что Сюй Шанлу ругает его.

Он замер, боясь даже вздохнуть, и с тревогой наблюдал за Сюй Шанлу. Через некоторое время свирепое выражение на лице того исчезло, сменившись чем-то вроде презрения вперемешку с самодовольством.

— ...Маленький женоподобный придурок, — пробормотал Сюй Шанлу, лениво прищурившись.

А ведь и правда. Выглядит таким изнеженным, ни капли мужественности. К тому же вечно суется, липнет, лезет не в свое дело, а в каждом взгляде — какая-то подозрительная женственность, все время норовит подобраться поближе.

Будучи парнем традиционной ориентации, Сюй Шанлу всегда испытывал отвращение к подобным знакам внимания со стороны своего пола. Однако тот факт, что его харизма была настолько сильна, что даже учителя не могли устоять, в какой-то мере тешил его самолюбие.

Выйдя из игры, Сюй Шанлу слегка изогнул губы в усмешке, поднялся и бросил своим подручным:

— Пошли, проучим его.

— Собрание окончено.

После ежедневного совещания кафедры Лян Цзянь убрал блокнот в портфель и вышел из кабинета.

— Кхм, здравствуйте, учитель Чжао, — Чу Ян, прислонившись к перилам, расплылся в улыбке.

— Что-то случилось? — Лян Цзянь почувствовал неладное, но притворился, что ничего не знает.

— Староста хочет поговорить, в туалете, — Чу Ян взял его под руку и потащил за собой, не давая ни единого шанса на отказ.

Лян Цзянь не стал сопротивляться.

У входа в туалет дежурили несколько парней. Увидев Лян Цзяня, они одарили его недобрыми усмешками, а один из них повесил на дверь табличку «Идет ремонт».

— Что вы задумали? — настороженно спросил Лян Цзянь.

— Меньше слов, — Чу Ян обхватил его за плечи и грубо втолкнул внутрь.

Лян Цзянь пошатнулся, и первое, что он увидел, были бело-синие кроссовки.

Выше белых коротких носков виднелись обнаженные щиколотки, а икры с рельефными, упругими мышцами излучали грацию и взрывную силу, подобную гепарду.

Лян Цзянь поднял голову.

Сюй Шанлу смотрел на него с легкой усмешкой. Его ясные, красивые глаза светились предвкушением, как у охотника, увидевшего, что добыча попала в капкан.

Черт, этот щенок явно затеял недоброе.

Лян Цзянь нахмурился и серьезно спросил:

— О чем ты хотел поговорить?

Нежная ветка (6)

— Снимай одежду, — сказал Сюй Шанлу.

Сразу с козырей? Лян Цзянь вытаращил глаза:

— Что ты собираешься делать?

Если бы они были вдвоем, Лян Цзянь, возможно, и подыграл бы ему, раздевшись догола. Но сейчас Сюй Шанлу привел с собой человек семь-восемь, и каждый из них смотрел на него голодными, как у хищников, глазами.

Черт, неужели они собираются устроить групповое изнасилование?

Лян Цзянь про себя напомнил себе, что объект его обольщения не должен быть настолько жестоким. Тем временем Сюй Шанлу выудил из бумажного пакета в углу легкую вещь и бросил ее прямо на голову Лян Цзяню.

— Чего застыл? — он приподнял бровь и, высокомерно вздернув подбородок, добавил: — Надевай это.

Лян Цзянь развернул брошенную вещь, и его лицо моментально окаменело.

Это было платье на бретельках с цветочным принтом, приталенное, с оборками по подолу. Новая вещь из шелка — гладкая и приятная на ощупь, с неснятой биркой, от которой пахло легким химическим составом.

Платице? Сюй Шанлу хочет, чтобы он надел женскую одежду?

Лян Цзянь в изумлении уставился на него, выражая одним лишь взглядом: ты что, больной?

Видя, что тот не двигается, Сюй Шанлу нахмурился и угрожающе произнес:

— Надевай. Иначе я тебя до полусмерти изобью, понял?

Подручные за его спиной начали переглядываться и хихикать.

Их староста был мастером изощренных выдумок: заставить чопорного учителя надеть женское платье — это куда более унижительно, чем просто побить.

— Давай быстрее, учитель, мы все ждем.

— Помочь тебе раздеться? Шевелись давай!

Лян Цзянь глубоко вдохнул, выдохнул и выдавил слабую улыбку:

— Можно я надену это в кабинке?

Сюй Шанлу наблюдал за ним. Тот был бледен, глаза выдавали напряжение, но он все еще держал себя в руках, не позволяя страху взять верх.

Как же хотелось увидеть, как он сломается.

Сюй Шанлу с интересом прищурился и милостиво кивнул:

— Иди.

Лян Цзянь, словно получив помилование, согнувшись, юркнул в кабинку и закрыл дверь. Он повертел платье в руках, изучая, как его натянуть.

Прошло минут десять.

Сюй Шанлу нетерпеливо цокнул:

— Ну что там? Так сложно платье надеть?

Внутри было тихо, будто там никого не было.

Сюй Шанлу помрачнел, подошел к двери кабинки и со всей силы пнул ее ногой, издав оглушительный грохот.

— Чжао Лян Цзянь, твою мать, если сейчас не выйдешь, я вынесу дверь! — его яростный тон заставил подручных переглянуться.

Изнутри донесся тихий голос:

— Я готов.

Дверь отворилась. Лян Цзянь опустил голову, длинные ресницы скрывали взгляд, устремленный в пол.

Сюй Шанлу замер.

Честно говоря, он заставил Лян Цзяня надеть платье только ради того, чтобы унижить, но он не ожидал, что результат будет... настолько впечатляющим.

У Лян Цзяня от природы была тонкая кость, а в платье его талия казалась еще изящнее, руки — тонкими и длинными. На ногах почти не было волос, кожа была гладкой, как у вареного яйца.

Он стоял, опустив голову, и нервно теребил ткань платья, а из-за страха его дыхание было сбивчивым и тихим.

Это был мужчина в платье, но он выглядел настолько утонченно, что создавал странное, искаженное ощущение красоты.

Сюй Шанлу заметил, что Лян Цзянь босиком.

Его ступни были узкими, пальцы — тонкими и белыми, даже голубоватые вены на подъеме выглядели красиво.

Сюй Шанлу сглотнул.

В горле пересохло, а следом нахлынуло чувство отвращения к самому себе.

Он не хотел признавать, что возбудился, да еще и на мужчину. Но тело взбунтовалось против его воли, и внизу живота разлился жар.

Лян Цзянь почувствовал на себе жгучий взгляд Сюй Шанлу и едва заметно улыбнулся.

А затем услышал яростный крик:

— Надень свои ботинки, не видишь, насколько тут грязно!

Лян Цзянь послушно пробормотал:

— Хорошо.

Раньше он был в туфлях, а туфли с платьем смотрелись нелепо, вот он их и снял. Сюй Шанлу совершенно не понимал его стремления к эстетике.

Нежная ветка (7)

Лян Цзянь присел на корточки, чтобы обуться. Подняв глаза, он увидел, что Сюй Шанлу и вся его свита пристально смотрят на него, и одарил их мягкой, смущенной улыбкой:

— Ну что, зачем вы заставили учителя надеть женское платье?

Парни опешили.

Зачем? Конечно, чтобы унижить, поиздеваться! Но Лян Цзянь вел себя так спокойно, чего никто из них не ожидал, и теперь они чувствовали себя неловко.

Чу Ян подошел к Сюй Шанлу и прошептал:

— Староста, что будем делать? Может, заставим его пройтись по школе?

Чтобы опозорить его.

Сюй Шанлу бросил на него косой взгляд.

Чу Ян с восторгом смотрел на Лян Цзяня, в его глазах светилось злорадство, и Сюй Шанлу вдруг почувствовал раздражение.

Если учитель-мужчина будет разгуливать по школе в женском платье, его сочтут извращенцем. Чжао Лян Цзянь не совершил ничего ужасного, так зачем загонять его в угол и лишать работы?

Он хмыкнул:

— Самый умный тут выискался?

Чу Ян замер. Угрожающие нотки в голосе Сюй Шанлу заставили его спину похолодеть, и он тут же затряс головой:

— Прости, староста, я неправ.

Сюй Шанлу посмотрел на Лян Цзяня, а тот смотрел на него с невинным видом.

Раздражение Сюй Шанлу усилилось. Реакция Лян Цзяня была полной противоположностью тому, что он ожидал. Но просто развернуться и уйти было бы потерей лица, поэтому он достал телефон и сделал несколько снимков.

— Слушай сюда, учитель, впредь не лезь ко мне. Иначе я распечатаю эти фото и развешу по всей школе, чтобы ты прославился, — злобно пригрозил Сюй Шанлу.

Лян Цзянь моргнул.

Чу Ян тоже вытащил телефон, собираясь последовать примеру, но получил пинок от Сюй Шанлу:

— Ай! Больно... Староста, за что?

— Какого черта ты снимаешь? Моих хватит! — Сюй Шанлу, не удовлетворившись пинком, свирепо зыркнул на него.

В этот момент Лян Цзянь мягко улыбнулся и тихо сказал:

— Спасибо тебе.

Сюй Шанлу опешил и странно посмотрел на него.

Поблагодарил? Лян Цзянь что, повредился рассудком, раз благодарит своего мучителя?

Лян Цзянь добавил:

— Спасибо, что не заставил меня носить это платье на людях и не позволил другим меня фотографировать.

Сюй Шанлу, конечно, не стал бы развешивать фото повсюду, но его энергичные и склонные к хаосу дружки могли натворить дел.

Значит, объект его обольщения все же умеет держать границы.

Сюй Шанлу получил благодарность, но чувствовал себя неловко. Буркнув что-то вроде «псих», он развернулся и ушел.

Чу Ян и остальные переглянулись и поплелись следом, оставив Лян Цзяня в туалете.

Вся эта затея с платьем закончилась ничем — какая глупость! Староста сам придумал это, сам же и отказался, не доведя дело до конца.

А они, кучка парней, бегали по магазинам женской одежды, ловя на себе странные взгляды продавщиц, и выбрали самое дорогое платье!

[Уровень симпатии объекта +10. Хозяин, продолжайте в том же духе.] — подала голос система, ворча. — [Хозяин, зачем вы потакаете этому мальчишке? Он заставил вас надеть платье, а вы его благодарите?]

[Иначе как поднять уровень симпатии?] — Лян Цзянь улыбнулся. — [Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую, а после спроси, не болит ли у него рука...]

[Это слишком низко. Хозяин, когда вы стали мазохистом?] — если бы система могла генерировать эмоции, она бы уже была в шоке.

Лян Цзянь закатил глаза:

[Ты ничего не понимаешь. Это называется «смирение ради великой цели». Сюй Шанлу дорожит своим лицом, если я буду вести себя достаточно покорно, ему станет неловко снова меня обижать.]

Мазохист?

Однако по ту сторону не садист.

Мазохистом не каждый сможет управлять.

Нежная ветка (8)

В метро Лян Цзянь, прислонившись к поручню, читал новости в телефоне, изредка поправляя очки.

Сюй Шанлу сидел напротив, с мрачным видом уставившись в пол, словно Лян Цзяня не существовало.

Честно говоря, Лян Цзянь не ожидал встретить Сюй Шанлу в пятницу вечером по пути домой. После того случая с платьем в туалете Сюй Шанлу не давал ему ни шанса на сближение. Он постоянно прогуливал, и Лян Цзянь уже раздумывал, не нагрянуть ли к нему домой с визитом, как вдруг случайно столкнулся с ним в метро.

Если гора не идет к Магомету...

Лян Цзянь спрятал телефон в карман и, улыбнувшись, сказал Сюй Шанлу:

— Какое совпадение.

Сюй Шанлу ответил крайне холодно:

— Угу.

Он был в черной футболке, открывающей шею цвета слоновой кости, опущенные ресницы придавали ему меланхоличный вид.

— Куда ты едешь? — с любопытством спросил Лян Цзянь.

Его дом находился на окраине города, и этот поезд тоже шел в сторону пригорода, но дом Сюй Шанлу был в центре. Что он делает на окраине?

Сюй Шанлу приподнял веки и посмотрел на него с легкой насмешкой:

— Не твое дело.

Разговор не клеился.

Поезд подъехал к станции, где была огромная толпа, и в вагон ввалилась куча людей. Лян Цзяня толкнули, и он пошатнулся прямо на Сюй Шанлу.

Он схватился за поручень над головой, тем самым закрыв Сюй Шанлу собой.

Сюй Шанлу было крайне неудобно находиться так близко к Лян Цзяню. Он раздраженно достал телефон и начал хаотично водить пальцем по экрану, хотя мысли его были совсем не там.

От Лян Цзяня исходил легкий аромат. Сначала Сюй Шанлу подумал, что это духи, но, принявшись, понял, что это скорее запах тела.

У взрослого мужика — и такой запах?

Сюй Шанлу почувствовал легкое отвращение, но аромат не улетучивался. Он не удержался, глубоко вдохнул и был вынужден признать, что пахнет довольно приятно.

Вдруг в поле его зрения появилась чья-то рука.

Сюй Шанлу приподнял бровь и, не подавая виду, стал наблюдать: какой-то низкорослый мужчина, крайне осторожно орудуя двумя пальцами, залез в карман Лян Цзяня, пытаясь вытащить телефон.

Лян Цзянь, утомленный, слегка прикрыл глаза и ничего не замечал.

В тот момент, когда вор уже собирался совершить кражу, раздался холодный окрик:

— Ты что делаешь?!

Вор замер. Сюй Шанлу уже вскочил, Лян Цзянь тоже очнулся от дремоты и растерянно посмотрел на него.

В этот момент поезд остановился, и двери медленно открылись.

Вор, стиснув зубы, вырвал телефон из рук Лян Цзяня, нырнул в толпу и бросился к выходу.

— Эй! — Лян Цзянь замешкался, а когда понял, что произошло, попытался схватить его, но лишь схватил воздух.

— Мой телефон! — вскрикнул Лян Цзянь. В телефоне было много важной информации, потерять его было куда хуже, чем деньги.

— Черт. Еще и бежит, — прорычал Сюй Шанлу. Он бросил ледяной взгляд на толпу, и люди, подчиняясь его давлению, расступились.

Сюй Шанлу длинными ногами бросился в погоню. Лян Цзянь, моргнув, последовал за ним. Все трое успели выскочить до того, как двери метро закрылись.

Лян Цзянь не мог бежать так же быстро, он лишь наблюдал, как мелькает черная одежда в толпе.

Сюй Шанлу, когда-то чемпион по спринту, бежал, как гепард, и через несколько секунд догнал вора, схватил за шиворот и прижал к земле.

— Отдавай вещь.

Вор испуганно посмотрел на него и полез в карман.

Сверкнул белый свет, Сюй Шанлу почувствовал резкую боль в руке и непроизвольно разжал пальцы. Вор вскочил, но тут же был скручен подоспевшими охранниками.

Лян Цзянь, тяжело дыша, подбежал к ним. Сюй Шанлу протянул ему руку.

На руке была глубокая рана, из которой сочилась кровь.

А в ладони у него спокойно лежал целый и невредимый белый телефон.

Нежная ветка (9)

— Дай посмотреть, — Лян Цзянь схватил Сюй Шанлу за руку и склонился, внимательно осматривая рану.

Вор пронес через охрану складной нож, и, когда Сюй Шанлу прижал его к земле, тот в отчаянии полоснул его. Хорошо, что рана была неглубокой.

Полиция быстро увела вора.

— Пойдем в больницу, нужно перевязать, — Лян Цзянь забрал свой телефон, посмотрел на Сюй Шанлу и с тревогой нахмурился: — Может начаться заражение.

Сюй Шанлу выдернул руку и, не глядя на него, уставился в землю:

— Не нужно, у меня дела.

Лян Цзянь приоткрыл рот, но так ничего и не сказал.

Сюй Шанлу всегда отвергал доброту, это стало его инстинктом. Что же делать, чтобы пробить эту высокую стену, которой он себя окружил?

Сюй Шанлу уже собирался уйти, как вдруг его телефон завибрировал. Кто-то звонил. Увидев имя на экране, он слегка нахмурился и ответил:

— ...М? Ты не дома, что-то случилось? ...Ладно, не буду мешать, делай что хочешь. — Он повесил трубку, раздраженно вздохнул и вдруг заметил, что Лян Цзянь тихо стоит рядом, глядя на него с мягким, терпеливым участием.

Взгляд Лян Цзяня, казалось, был полон сострадания, что глубоко ранило Сюй Шанлу.

Сюй Шанлу помрачнел, в его глазах появились красные прожилки, он схватил Лян Цзяня за шиворот, почти приподняв над землей:

— Чего ты тут торчишь? Не приближайся ко мне, по-русски не понимаешь?

Лян Цзянь кротко ответил:

— Ты ранен. Мой дом рядом, пойдем, я обработаю рану.

Он говорил мягко, не пытаясь сопротивляться, хотя Сюй Шанлу все еще держал его за воротник.

Он походил на маленькое животное, которое доверчиво подставляет живот, не представляя никакой угрозы.

Сюй Шанлу замер, вынужденный отпустить его, но тон его остался холодным:

— Не нужно.

— Это была твоя мама? Я случайно увидел имя на экране, — нерешительно спросил Лян Цзянь. Сюй Шанлу злобно зыркнул на него, и Лян Цзянь, пожившись, обиженно пробормотал: — Ну чего ты такой злой? Я ведь не нарочно.

Сюй Шанлу просто не знал, что с ним делать.

Он ведет себя так отвратительно, а Лян Цзянь не только не уходит, но и становится еще более фамильярным, даже начинает капризничать.

И он ведь не может по-настоящему ударить Лян Цзяня.

Какое удовольствие бить женоподобного придурка?

Лян Цзянь, казалось, понял, что его злость и холодность — лишь маска, поэтому улыбнулся и

положил руку ему на плечо:

— Раз уж ты не хочешь к маме, может, заглянешь ко мне?

Сюй Шанлу оцепенел от такого панибратства.

Постояв в замешательстве, он в ярости сбросил руку Лян Цзяня:

— Я с тобой не настолько близок! Хватит меня лапать!

— Прости, прости, — Лян Цзянь сложил руки в умоляющем жесте и, расплывшись в улыбке, начал извиняться: — Посмотри, уже вечер, давай я приготовлю тебе ужин.

Сюй Шанлу смотрел на него. Темные глаза Лян Цзяня напоминали два прекрасных драгоценных камня. Вдруг Сюй Шанлу изогнул губы в насмешливой, игривой улыбке.

Его голос стал низким и циничным:

— Учитель, раз вы так добры ко мне, может, я вам нравлюсь?

Лян Цзянь смущенно опустил глаза, а его бледные щеки залил румянец.

Сюй Шанлу, глядя, как тот краснеет, словно девица, про себя выругался.

Неужели он угадал?

Мало того, что женоподобный, так еще и гей?

Лян Цзянь набрался смелости, поднял голову и нежно посмотрел на него. В его взгляде промелькнула скрытая радость, но он ответил:

— Это мой долг как учителя перед учеником.

Сюй Шанлу почувствовал необъяснимое раздражение.

Он дернул уголок рта:

— Раз учитель так настаивает, я не буду отказываться.

Кого он из себя строит? Так и хочется сорвать эту маску лицемерия и заставить его признать, кто он есть на самом деле.

Нежная ветка (10)

Лян Цзянь купил небольшую квартиру, чтобы жить одному. В доме было чисто и уютно, а на балконе стоял ряд зеленых суккулентов.

Сюй Шанлу сидел на диване, тяжело глядя на кофейный стеклянный столик.

Лян Цзянь вышел из спальни с аптечкой и увидел, как Сюй Шанлу схватил с журнального столика нераспечатанную коробку молока и бросил ее в мусорное ведро.

<http://bllate.org/book/21563/2220088>